

P - 15

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

А. М. РАДЖАБЛИ

МОНЕТНОЕ ДЕЛО В СЕФЕВИДСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ (XVI—НАЧАЛО XVIII вв.)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР
Баку — 1963

Работа выполнена в Музее истории Азербайджана Академии наук Азербайджанской ССР.

Решением Ученого совета Института истории Академии наук Азербайджанской ССР официальными оппонентами назначены:

1. Д-р исторических наук, проф. Д. Г. Капанадзе.
2. Канд. исторических наук О. А. Эфендиев.

Защита состоится *6 мая* 1963 г. в Институте истории Академии наук Азербайджанской ССР (Баку, ул. Ю. Мамедалиева, 3).

Автореферат разослан *4 мая* 1963 г.

Научное исследование даже хорошо известных монет, не говоря уже о неизвестных или малоизвестных, в свете новых требований к нумизматике может иметь отнюдь немаловажное значение для истории.

Монеты азербайджанского государства сефевидов, образованного в самом начале XVI в., как и монеты многих средневековых государств Ближнего востока, уже изучались специалистами. Они частично приведены и описаны в ряде нумизматических работ, преимущественно в монетных каталогах различных музейных и частных коллекций. Научное описание сефевидских монет мы находим в трудах основоположника научной нумизматики мусульманского востока Х. Френа, а в дальнейшем в трудах В. Тизенгаузена, В. Трутовского, Р. Пуля, С. Лэн-Пуля, Х. Роджерса, А. Маркова, Х. Рабицо и многих других нумизматов-ориенталистов. Однако большинство этих работ ввиду их каталожного характера дает только поверхностные сведения о предмете изучения; суть их, как правило, сводится к описанию и определению той или другой монеты или же монетных групп, порою даже без данных первой необходимости (например, о весе монет), как это имеет место в эрмитажном каталоге А. Маркова.

Имеется ряд специальных работ, посвященных монетам сефевидских шахов. Следует особо отметить составленное авторитетным знатоком сефевидской нумизматики Р. Пулем обширное введение к каталогу восточных монет Британского музея¹, которое содержит, кроме подробной хронологии шахов, первые критические обобщения о монетах сефевидского государства.

¹ R. S. Poole. Catalogue of the Coins of the Shahs of Persia in the British Museum, London, 1887.

В числе специальных работ данной темы — скрупулезные труды по отдельным вопросам сефевидской нумизматики Р. Фасмера² и ряд работ Х. Рабино³, в частности его последняя ценная монография о монетах, медалях и печатях иранских шахов (1500—1941 гг.), содержащая краткое изложение денежного обращения в сефевидском государстве с иллюстрацией богатого фактического материала. Несмотря на все свои достоинства, названные работы имеют, помимо отдельных упущений, существенный недостаток; как это характерно для творчества буржуазных нумизматов, нумизматические факты рассматриваются ими обособленно, в отрыве от развития политико-экономической жизни данного государства, что умаляет значение этих работ для исторической науки.

Из советских нумизматов изучением сефевидских монет специально почти никто не занимался⁴. Но несомненно заслуга проф. Е. А. Пахомова⁵, автора отдельных статей и серии трудов о монетных кладах, в которых наряду с первоклассной топографией находок сефевидских монет на территории закавказских республик — этим незаменимым источником выявления и изучения исторической роли монет — дается ряд интересных наблюдений по монетному делу сефевидов.

Однако история монетного дела в сефевидском государстве в отличие от его социально-политической истории, по-новому освещенной в трудах советских историков И. П. Петрушевского, М. С. Иванова, О. А. Эфен-

² R. V a s m e r. Zur Münzkunde der Persischen Schahc. „Islamica“ Bd. VI, N. 2., Leipzig, 1933; его же. Персидские монеты с надчеканкой Петра I. Гос. Эрмитаж, сб., вып. III, 1926.

³ H. L. R a b i n o. Coins of the Shahs of Persia. Paris, 1910; его же: Coins, Medals, and Seals of the Shahs of Iran (1500—1941). Hertford, 1945.

⁴ А. В. Рагимов. Клад серебряных монет XVII—XVIII вв. «ДАН Азерб. ССР», т. VIII, 1952, № 3; его же. Кедабекский монетный клад. Сб. Материалы по истории Азербайджана, т. III, Баку, 1960 (на азерб. яз.); М. А. Добрынин. Стихотворные легенды на монетах Сефевидов. «Эпиграфика Востока», VIII, 1953.

⁵ Е. А. Пахомов. Вес и достоинство медной монеты Тифлиса XVII—XVIII вв. Баку, 1928; его же. Чайкендский клад 1935 года. Баку, 1941; его же. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. 1—8, Баку.

диева и других⁶, в целом еще недостаточно полно изучена.

Такие вопросы, как монетная система при первых сефевидах, ее дальнейшее развитие, монетные реформы, их сущность и последствия, организация монетного дела в сефевидском государстве и ряд других вопросов либо остались вне поля зрения нумизматов, либо изучались мало. Это и послужило причиной появления данной работы. Цель ее состоит в том, чтобы на основании доступной научно-критической литературы и дополнительных письменных сведений, извлеченных из восточных первоисточников⁷ и мемуаров европейских путешественников-миссионеров⁸, с учетом данных анализа

⁶ М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. Госполитиздат, 1952; И. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI—XVII вв. Сб. статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949; Н. В. Пигулевская и др. История Ирана от древнейших времен до 18 века. Изд-во ЛГУ, 1958; О. А. Эфендиев. Образование азербайджанского государства сефевидов в начале XVI в., Баку, 1961.

⁷ Хасан Румлу. Ахсан-ат-таварих. Рукописный фонд АН Азерб. ССР, ш. Б—1696; Хондемир. Хабиб-ас-сияр. Рукописный фонд АН Азерб. ССР, ш. IV—53; Искендер Мунши. Алем-арай-и-Аббаси. Тегеран, 1314 г. х.; Джунабеди. Ровзат-ас-сефевийе. Фотокопия архива Ин-та истории АН Азерб. ССР; Шереф-хан Битлисци. Шереф-наме, т. II. Петербург, 1862; Абдал-Фаттах Фумени. Тарих-и-Гилян. Петербург, 1858; Мухаммед Тахир Вахид. Аббас-наме. Арак, 1329 г. х.; Абуль-Фазл Аллами. Аин-и-Акбари. (Перевел на английский Х. Блокманш), т. I, Калькутта, 1873; Мирза Мехти-хан Астрабади. Тарих-и Надири. Тебриз, Лит. изд. 1304 г. х.; Мирза Сулейман Дилмадж. Сефевийе падишахары. Рукописный фонд АН Азерб. ССР ш. А—422; Рза-кули-хан Хидайет. Ровзагас-сафа-и Насири. Лит. изд. Тегеран, 1274 г. х. т. VII Тазкират-ал-мулук анонимного автора. Перевод и коммент. В. Минорского. Лондон, 1943 и др.

⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937; Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1638 годах. Перевод П. Барсова. Москва, 1896; Voyages du Chevalier Chardin en Perse. (Langle), Paris, 1811; Raphaël du Mans. Etat de la Perse en 1660. Paris, 1890; P. Sanson. The Present State of Persia. London, 1695; J. de Tavernier. Les Voyages aux Indes Orientales. T. III, (Ch. Angot) Paris, 1689; Voyages en Perse et description de Royaume par Jean-Baptiste Tavernier, etc. Paris, 1930; Voyages de Corneille le Brun par la Moscovie en Perse, etc. Amsterdam. 1718; Dr. E. Kaempfer. Amoenatum exoticarum... fasc. V. (Lemgo), 1712; J. Hanway. An historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. London, 1753 и др.

монет, хранящихся в различных музейных и частных коллекциях, осветить, по мере возможности, основные пути развития монетного дела в сефевидском государстве в XVI — начале XVIII вв. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и иллюстраций.

В введении дается обзор использованной литературы и источников, а также характеристика периода, предшествовавшего образованию азербайджанского государства сефевидов.

Глава I. Монетное дело в сефевидском государстве при Исмаиле I (1502—1524 гг.).

Первый раздел главы посвящен описанию денежного обращения в Азербайджане и сопредельных странах до установления сефевидского чекана. Основное внимание здесь уделено монетной системе времен Тимура, введенной после создания его огромной империи. Эта система основывалась на крупной монете — тенге весом около 6,2 г., которая была заимствована Тимуром из Индии и как основная монетная единица его государства заменила измельчавший при последних джелаиридах дирхем, четыре экземпляра которого равнялись одной тенге. Тенга была принята сначала ширваншахами-дербенди, а после распада империи Тимура — государствами кара-коюнлу и ак-коюнлу. Подвергаясь с течением времени изменениям (уменьшение веса), тенга фигурировала в Азербайджане и соседних странах до начала XVI в. и как название серебряных монет, по-видимому, употреблялась при первых сефевидских шахах.

Во втором разделе главы рассматривается вопрос об осуществлении основоположником нового азербайджанского государства сефевидов Исмаилом I монетного права — этой неотъемлемой прерогативы суверенного правителя, облеченного верховной законной властью. Этот государственный акт, называемый в восточных источниках «сикке» (سکه — чекан), вместе с «хутбе» (خطبه — поминание имени правителя на пятничных

молитвах), как сообщают хронисты, был претворен в жизнь Исмаилом I в Тебризе сразу же после шарурской битвы с Эльвендом ак-коюнлу, происшедшей в начале марта 1502 г. В дальнейшем, по сообщениям первоисточников, монетное право Исмаила I распространилось по всему огромному государству сефевидов по мере того как отдельные области попадали под их власть. В связи с этим отмечены походы вглубь Ирана, в Ирак арабский, Ширван, Грузию, освещена роль хорасанской кампании, завершившейся изгнанием шейбанидов и осуществлением от имени Исмаила I сикке и хутбе во всем вилайете Хорасан. Затронуты взаимоотношения Исмаила I с соседями, в частности, с тимуридом Бабуром, основоположником империи великих моголов Дели, который в борьбе против узбекских ханов обращался к помощи сефевидов и в знак зависимости на своих монетах помещал надписи в шиитском духе, угодные сефевидскому шаху.

Судя по дошедшим до нас монетам, чекан Исмаила I охватывал громадное количество монетных дворов (свыше 60), представлявших почти все города, которые имели определенное политическое или экономическое значение. Такое количество монетных дворов — яркое свидетельство того, какое большое значение придавали сефевиды осуществлению своего монетного права. Главная роль в этом деле отводилась монетному двору Тебриза, столицы сефевидского государства, работавшему бесперебойно и выпускавшему основную продукцию по чекану монет.

В третьем разделе главы говорится о монетной системе Исмаила I, являющейся одной из самых трудных и малозученных областей сефевидской нумизматики. Эта система основывалась на серебряном монометаллизме. Основной монетной единицей был принят, как показывает анализ монет, серебряный номинал с фактическим средним весом 9,37 г, составляющий основную часть дошедших до нас монет с именем Исмаила I. Чеканились также другие денежные единицы — сборные, весом около 18,70 г и дробные — 4,68; 2,32; 1,03 г. Таким образом, монетная система Исмаила I была построена на тогдашней весовой единице — мискале (مشقال)

4,665 г) в квартальном порядке. Позднее, в 1516 и 1522 гг. денежные единицы сефевидского государства подвергаются некоторым весовым изменениям, суть которых пока не удалось точно определить. Видимо, это были изменения, имевшие целью повышение доходов казны от чеканки монет, вследствие нарушения государственной финансовой системы после чалдыранского поражения.

О названиях сефевидских серебряных номиналов нет почти никаких письменных указаний. Местные хроники, как обычно, называют эти монеты старыми традиционными терминами «дирхем» (درهم) и изредка «тенга» (تنگه) или более новым — «тенга-и-нов» (تنگه نو — новая тенга), подразумевая при этом вообще серебряные монеты без указания на их вес и достоинство. Имеются сообщения о чеканке еще при Исмаиле I своеобразных монет «лари» (lari) или «ларин» (larin) — от названия области Лар на юго-западе Ирана. Одним из названий серебряных монет, возможно, служил термин «шахи». Последняя монета, равная 50 динарам, вероятно, называлась так в честь сефевидского монарха, который в отличие от падишахов ак-коюнду, султанов Турции и ханов Средней Азии именовался царственным титулом шах; отсюда — «шахи» (шахова монета).

В четвертом разделе рассматриваются надписи монет Исмаила I. Здесь излагаются результаты изучения ряда новых деталей уже известных надписей, отдельных неисследованных легенд. Среди последних особого внимания заслуживают надписи, появившиеся на монетах после известной победы Исмаила I над Шейбаниханом узбекским в 916 г. х. (1510 г.).

Тщательное изучение монетных надписей имеет первостепенное значение, ибо они часто отражают изменения, происходящие не только в денежном хозяйстве государства, но и в других областях государственной жизни. Это видно по надписям монет времени Исмаила I. Шнитский символ веры, имена двенадцати шиитских имамов, с которыми была связана сама родо-

словная сефевидов, различные стихи и изречения шиитской тенденции, встречаемые на этих монетах, на первый взгляд, как будто бы составляли внешний облик монеты, но, с другой стороны, пропагандировали, в самом широком смысле этого слова, религиозные идеи сефевидского государства, принявшего шиитское толкование ислама в качестве государственного вероисповедания, служившего для сефевидов оружием, при помощи которого они добились светской власти и стремились ее упрочить. В последнем — пятом разделе речь идет о надчеканах Исмаила I и их роли в денежном обращении. Данная глава сопровождается таблицей монет по годам правления Исмаила I.

Глава II. Монеты преемников Исмаила I до Аббаса I.

Общая картина денежного обращения в сефевидском государстве за указанный период значительно меняется. После ряда весовых изменений в начале правления Тахмасиба I (1524—1576 гг.) вес основной монетной единицы наконец твердо устанавливается в один мискаль (4,66 г). Эта единица без колебаний фигурирует и при следующих шахах—Исмаиле II (1576—1577 гг.) и Мухаммеде Худабенде (1578—1587 гг.) вплоть до ее замены новой единицей при Аббасе I. Согласно данным, относящимся к периоду Мухаммеда Худабенде, она равнялась 100 динарам.

В первом разделе, посвященном монетам Тахмасиба I, затронут ряд вопросов, изучение которых проливает свет на общий ход развития монетного дела этого периода; окончательное установление сефевидского чекана в Закавказье (появление нового монетного двора в азербайджанском городе Ареше); отсутствие чекана некоторых старых монетных дворов (Абивард, Мерв на северо-востоке, Битлис, Хизан — на западе); попавших под власть узбеков и турок; восстание ширванского беглярбека Алкас-мирзы (1547 г.), который некоторое время пользовался правом хутбе и сикке; накопление и консервирование в государственной казне Тахмасиба I значительных сокровищ, состоящих большей частью из

звонкой монеты, перелитой потом в металлические слитки, что вызвало в конце правления этого шаха дефицит ходячей монеты и послужило одной из причин появления в денежном обращении неполноценных монет; и, наконец, вопрос о новых монетных номиналах, в том числе о «бисти» — мелких серебряных монетах со средним весом около одного грамма и с номинальной стоимостью в 20 динаров.

Во втором разделе главы отражено изменение внешнего облика монет, чеканенных после прихода к власти Исмаила II, известного своей тиранией и религиозной терпимостью. Имеющиеся по этому поводу письменные данные подтверждаются нумизматическими фактами. На лицевой стороне монет этого шаха мы находим двестише на фарсидском языке, заменившие символ веры и имена двенадцати имамов, которые помещались на монетах предыдущих сефевидов. Введение этого стиха, как сообщает Искендер Мунши, хотя и мотивировалось желанием шаха не помещать на монетах имя аллаха, чтобы избежать осквернения его прикосновением неверующих, но на самом деле оно было связано с намерением обойти шиитскую часть символа «Али близкий Аллаху» и тем самым создать какой-то компромисс между враждующими течениями ислама — шиизмом и суннизмом во имя определенных политических замыслов Исмаила II. Однако эта попытка религиозной реформы, вызвавшая внутри государства оппозицию духовенства и недовольство шиитского населения, не пережила ее организатора. Исмаил II вскоре пал жертвой заговорческой группы, а его новшество в монетном деле было отменено специальным фирманом нового шаха — Мухаммеда Худабенде.

Согласно этому фирману, во всех владениях сефевидского государства была восстановлена чеканка монет по прежнему типу, т. е. с шиитским символом и именами двенадцати имамов, и новые монеты стали называться в честь шаха «мухаммеди» или «худабенде». Но сфера обращения их была ограниченной ввиду общего расстройтва денежного обращения, наступившего в результате того, что на значительной части территории сефевидского государства, попавшей в период правления

этого беспомощного шаха под власть иноземных захватчиков — турок и узбеков, получили хождение монеты самих завоевателей. Последние хотя и бились по собственным типам, в весовом отношении соответствовали местной сефевидской системе. Это диктовалось необходимостью облегчить или упорядочить денежное обращение данного района и тем самым ускорить закабаление его не только в военно-политическом, но и в экономическом отношении.

Глава III. Монетная реформа Аббаса I (1587—1629 гг.).

В первом разделе главы говорится о ранних джулусах шаха Аббаса в Хорасане, сопровождавшихся, по указанию хронистов, хутбе и сикке. Однако это не подтверждается нумизматическими данными. Монеты Аббаса I, битые до 1587 г., нам пока неизвестны. Судя по дошедшим до нас монетам, в первые годы царствования Аббаса I, со времени которого в государстве сефевидов верх берут иранские элементы, чеканка монет все еще производилась по старой одномискальной системе. Но в силу последующих изменений в политико-экономической жизни сефевидского государства (упрочение центральной власти, освобождение ряда областей от захватчиков, оживление феодального хозяйства, ремесла и торговли, вызвавшее, в свою очередь, усиление товарно-денежных отношений) возникла необходимость изменить существующую монетную систему и установить единое общегосударственное денежное обращение, которое могло бы отвечать новым требованиям. Эта необходимость вызвала монетную реформу Аббаса I. Единственным источником для изучения значения и сущности этой реформы служат сами монеты, согласно которым начало ее осуществления относится к 1003 г. х. (1595 г.). Новая основная монетная единица, названная в честь Аббаса I «аббаси», по своему весу и типу существенно отличалась от ее предшественницы — мухаммеди. Она содержала в себе фактически около 7,7 г. серебра и равнялась 200 динарам.

Сопоставление веса и номинальной стоимости мухаммеди (фактический средний вес 4,6 г, номинальная

стоимость 100 динаров) и аббаси ясно показывает, что разрыв между ними, согласно новой реформе, был сильно увеличен. Он выражался примерно в 1,6 г. серебра, что составляло около 35 динаров. Это обстоятельство позволяет прийти к выводу: монетная реформа Аббаса I, должно быть, преследовала цель введения в денежном обращении государства принудительно завышенного курса новых монет.

Такое мероприятие представляло один из способов эксплуатации серебряной регалии (нередко встречаемый в практике монетного дела на Востоке), которым правительство извлекало большие доходы от чеканки монет, благодаря тому что право монетной регалии принадлежало только шаху. Юридическое обоснование этой операции коренилось в самой природе монет. Как указывает Маркс, «...вторичная, вызываемая самим процессом обращения идеализация металлических денег, или отделение их номинального содержания от реального, эксплуатируется отчасти правительствами, отчасти частными авантюристами путем самых разнообразных подделок монеты»⁹.

Для чеканки новых монет государство пользовалось собственным серебром. Кроме того, в силу свободного характера чекана, господствовавшего в монетном деле сефевидского государства, в монетные дворы могло поступить, правда, в ограниченном количестве, и частное серебро (местные монеты, вышедшие из обращения, а также иностранное серебро). Доходы от чеканки серебра частных лиц казна получала по принципу деления монет на группы старых и новых. Несмотря на принудительно завышенный курс обращения серебра, новая монетная система оказалась успешной. Благодаря однотипности и строгой выдержанности веса аббаси получил большую популярность и вскоре вытеснил с территории сефевидского государства турецкую и узбекскую монеты.

Во втором разделе главы характеризуются надписи монет Аббаса I, претерпевшие ряд изменений после того, как была осуществлена упомянутая монетная рефор-

⁹ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 103—104.

ма. Отмечается преобладание фарсидского языка над арабским, так характерным для монетных надписей первых сефевидских шахов. В этом же разделе дается анализ особой группы монет, чекан которых начинается с 1610 г. Грубая выделка и размашисто-несовершенный почерк их надписей, свидетельствующие частично о спешной чеканке, вместе с некоторым ослаблением их веса позволяют высказать предположение о том, что в указанный период в государстве сефевидов денежное обращение страдало от периодической нехватки серебра. Это могло быть вызвано растущими требованиями товарно-денежных отношений и той постоянной нуждой в звонкой монете, которую испытывало правительство в связи с оплатой новосозданной регулярной армии и шахской гвардии, нуждой, которая еще более усиливалась в результате длительных войн, введшихся между сефевидским государством и Турцией в условиях, когда ограниченные местные ресурсы серебра были не в состоянии удовлетворить потребности денежного обращения. Только этим и можно объяснить тот факт, что вывоз серебра с территорий, подвластных сефевидам, был запрещен под угрозой смертного приговора.

В третьем разделе главы отмечается интенсивный прилив иностранных монет (в основном западно-европейских государств и княжеств) в сефевидское государство при Аббасе I, что было связано главным образом с экономическим ростом западно-европейских стран, нуждавшихся в рынках сбыта мануфактурной продукции и источниках сырья. Однако в денежном обращении сефевидского государства эти монеты непосредственного участия не принимали. При торговых операциях товары оценивались по местным ходячим монетам, а иностранные функционировали по их металлическому весу в соответствии с весом местных монет. При этом иностранные монеты ценились намного ниже их достоинства. По Олеарию один рейхсталер (28 г.) оценивался в три аббаси (около 23 г.). Иностранные монеты часто поступали на монетные дворы для их перечеканки, что приносило доставщику большие выгоды. Данная глава сопровождается таблицей монет по годам правления Аббаса I.

Глава IV. Монеты преемников Аббаса I.

Монеты сефевидских претендентов

В этой главе изложены итоги изучения некоторых изменений, происходивших в монетном деле сефевидского государства в конце XVII и начале XVIII вв.

Сравнительная устойчивость денежного обращения, наблюдавшаяся в период правления ближайших преемников Аббаса I — Сефи I (1628—1642 гг.) и Аббаса II (1642—1666 гг.), уже при Сулеймане I (1667—1694 гг.) подвергается серьезным колебаниям, выражавшимся в отдельных проявлениях порчи монет — ухудшении их качества и снижения веса. Об этом свидетельствуют как дошедшие до нас маловесные монеты некоторых монетных дворов, так и письменные источники. Согласно последним, страна изобиловала неполноценными монетами (по Кемпферу из 30 000 туманов, поступивших в казну в 1684 г., только 300 были признаны полноценными), и в денежном обращении находилось несколько групп ходячей монеты, разной по достоинству. Подобная «перегруппировка» ходячих монет являлась результатом тех злоупотреблений, которые совершались на монетных дворах их начальниками или арендаторами, иногда не без ведома властей.

Расстройство денежного обращения, несомненно, было связано с хозяйственным и политическим упадком сефевидского государства, наступившим в конце XVII в. Положение в монетном деле еще более ухудшилось в начале XVIII в. в период правления шаха Султана Хусейна I (1694—1722 гг.), когда к экономическим затруднениям государства присоединились политические осложнения. Жестокая налоговая политика, проводимая шахской властью, еще больше осложняла положение, подрывая основы экономической жизни страны, она вызывала недовольство населения и открытые восстания. Особенную роль сыграло кандахарское восстание афганцев племени гильзаи, предводитель которых Мир-Вейс, согласно письменным данным, еще при царствовании Султана Хусейна I чеканил в Кандахаре свои собственные монеты. Это восстание, как известно, заверши-

лось низложением сефевидского монарха и установлением афганской власти, а следовательно и афганской чеканки в центральных владениях сефевидского государства. Это обстоятельство, а также выпуск в конце первой четверти XVIII в. оккупационных монет Турцией и Россией на северо-западных и северных территориях сефевидов говорят о том, что о едином сефевидском общегосударственном денежном обращении в это время не могло быть и речи.

В главе упоминается о многочисленных кладах монет, украшений, утвари и прочих ценностей, находимых в наше время и характеризующих в известной степени этот смутный период политической неустойчивости и экономической раздробленности, которые губительно отражались на положении бедных слоев населения. Страдали от этого также купцы и другие зажиточные люди, которые, опасаясь всевозможных притеснений, зарывали в землю свои деньги и имущество. Положение Маркса — «В периоды потрясений в общественном обмене вещей даже в развитом буржуазном обществе имеет место закапывание в землю денег, как сокровища»,¹⁰ как нельзя лучше характеризует состояние денежного обращения рассматриваемого периода.

Сефевидское правительство, испытывавшее все больший недостаток в деньгах, лихорадочно искало новые источники доходов. Одним из путей, которым финансовые советники Султана Хусейна I видели возможность пополнения опустевшей шахской казны, была порча монет. Первое, хотя и не очень значительное, снижение веса монет при Султане Хусейне I имело место в самом начале его правления. Средний вес аббаси, чеканенных между 1106—1129 г. х. (1695—1717 гг.), составляет 7,29 г, что на 0,8 г меньше среднего веса аббаси, битых в конце правления Сулеймана I. Следующее, притом резкое уменьшение веса аббаси было произведено в 1717 г., накануне афганского нашествия на Исфахан. После шахского указания о переделке в монету всех имевшихся золотых и серебряных изделий, был снижен вес мо-

¹⁰ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 128.

нет, о чем косвенно сообщает автор трактата «Тазкират-ал-мулук». Средний вес аббаси, чеканенных после этой реформы, доходит только до 5,37 г. Таким образом, вес аббаси был понижен сразу приблизительно на два грамма. Но и это понижение веса монет было не последним. В 1721 г., перед осадой Исфахана афганцами, вес аббаси был опять снижен и стал равен одному мискалю, а разница в весе была прибавлена к пошлине за право чеканки монет, которая поступала в казну. Однако эта реформа, проведенная в агонии обострившегося политико-экономического кризиса и означавшая еще большую фальсификацию монет в целях извлечения дополнительных фискальных доходов, как показывает анализ монет этого периода, не успела распространиться по всему государству. Положение в монетном деле было исправлено уже при афганцах, специальным указом шаха Махмуда. При последующих сефевидях — Тахмасибе II (1722—1731 гг.) и Аббасе III (1731—1736 гг.) вплоть до монетной реформы Надир-шаха афшара аббаси чеканился в том же весе, который был установлен в 1717 г.

В данной главе также излагаются наблюдения, относящиеся к некоторым новым номиналам, чеканенным в царствование Султана Хусейна I, рассматриваются монетные надписи, типы монет и их изменения, следовавшие каждый раз за весовыми изменениями монет и политическими событиями. В связи с этим заслуживают внимания две надписи-двустиишия, носящие явно выраженный пропагандистский характер, которые встречаются на монетах, битых при Тахмасибе II и Аббасе III.

Конец III главы посвящен монетам сефевидских претендентов. В период афганского владычества, особенно после того, как шахская семья тайно была истреблена Махмудом, на политической арене с претензиями на сефевидский трон стали появляться самозванцы и оставшиеся в живых члены династии сефевидов. Один из последних — Сейид Ахмед, который происходил по материнской линии от дочери Сулеймана I, провозгласил себя шахом с хутбе и сикке в Кирмане осенью 1728 г., но вскоре был разбит преемником Махмуда Ашрафом и казнен в Исфахане.

В последние годы правления Надир-шаха в Азербайджане восстал некий Сам. До нас дошли монеты, чеканенные от имени Сама бин Султан Хусейна в Тебризе в 1160 г. х. (1747 г.). После смерти Надир-шаха претензии отпрысков сефевидской фамилии на престолонаследие усилились. Этому содействовало то обстоятельство, что отдельные могущественные ханы и главы племен, пользуясь отсутствием в стране единой и сильной власти и также антиафшарскими настроениями, с помощью сефевидских царевичей старались добиться личной власти. Такими сефевидами были: Сулейман II, провозгласивший себя шахом в 1749 г., Султан Хусейн II, провозглашенный в 1753 г. Али Мардан-ханом бахтияри, Султан Мухаммед II, провозглашенный Ага Мухаммед-ханом каджаром в 1785—88 гг., Исмаил III, провозглашенный разными ханами — Али Мардан-ханом, Керим-ханом, Мухаммед Хасан-ханом в разные годы.

Большинство этих претендентов-марионеток не играло какой-нибудь существенной роли в политической жизни, и вся полнота власти при их правлении находилась в руках их временщиков. Монеты от их имени, несмотря на сефевидско-шиитский характер надписей, как и следовало ожидать, бились по монетной системе афшаридов, установленной реформой Надир-шаха, согласно которой вес аббаси был понижен до одного мискаля, а в монетную систему был введен новый крупный номинал — надири (نادری) весом около 11,5 г, заимствованный из Индии.

Глава V. О чекане медных и золотых монет в сефевидском государстве

За исключением начала XVI в., когда, судя по типам и весовому стандарту медных монет 917 г. х. (1511 г.), чеканка меди в сефевидском государстве, возможно, носила общегосударственный характер, в остальные времена она была автономной. Будучи разменными, медные монеты чеканились исключительно для удовлетворения торговых потребностей того экономического района или города, где они выпускались. Таким

образом, медный чекан был блокирован местными властями, что давало им возможность получать от этого довольно солидные доходы, так как из одного фунта меди, стоящей один аббаси, т. е. 200 динаров, чеканились 64 медных монеты, номинальная стоимость которых равнялась 320 динарам. Кроме того, медные монеты обращались только год; с наступлением нового года чеканились новые монеты, а старые запрещались для обращения и принимались в монетные дворы для перечеканки по расчету — две старые на одну новую. Нетрудно видеть, что основная тяжесть этих операций (обновление чекана) падала на плечи городской бедноты и крестьянства, имевших дело главным образом с медной монетой. Медные монеты обозначались общим термином

«пул» (pul), «фулус» (فلوس). Частными названиями служил «динар» (دينار) (в XVI в. упоминаются тебризские и иракские динары), ставший с XVII в. счетной монетой и «казбеки» (قاضى بيكى), равный 5 динарам.

После упомянутых медных монет 917 г. х. напоминающих по ряду типовых элементов серебряные и золотые монеты, начиная со второй половины XVI в., для медных монет вводится новый тип, который с чередующимися изменениями на лицевой стороне используется вплоть до падения сефевидов. Обратная сторона этих монет содержит название монеты, монетного двора и год чеканки, а на лицевой встречаются изображения животных, зверей, птиц, рыб, неодушевленных предметов и человеческих фигур. Некоторые монетные типы вроде быка, зайца, лошади, барана, обезьяны происходят, несомненно, от тех двенадцати животных, по названиям которых велся старый широко распространенный способ наименования годов. Следовательно, эти типы избирались с хронологической целью при ежегодном обновлении медных монет в Новрузе, когда наступал новый год, начинающийся с весеннего равноденствия.

Относительно золотого чекана можно сказать лишь то, что поскольку денежная система сефевидского государства основывалась на серебряном монометаллизме, золотые монеты существенной роли в торговле не иг-

рали. Они чеканились от случая к случаю в честь вступления шаха на престол в Новрузе и в других торжественных случаях, для вознаграждения, раздачи и тому подобных целей. Такая особенность золотых монет наблюдается везде, где господствовал серебряный монометаллизм. Золотые монеты в сефевидском государстве обычно назывались терминами «тела» (طلاء) и «ашрефи» (اشرفى), а надписи на них в основном были идентичны с надписями серебряных монет.

Глава VI. Организация монетного дела в сефевидском государстве

В первом разделе главы, посвященном администрации монетных дворов, отмечается то особенное значение, которое придавалось властями отбору и назначению руководящего персонала монетных дворов, находившихся под непосредственным контролем дивана. По некоторым косвенным данным, ряды служащих монетного двора столицы пополнялись выходцами из шахского дворца из среды так называемых «простых гуламов» (غلامان ساده), воспитывавшихся при дворе специально для государственной службы.

Судя по некоторым источникам, до конца XVIII в. главным лицом на монетном дворе считался зарраб-баши (ضراب باشى) — главный монетарий, или глава монетчиков, а его помощником являлся муаййер-баши (معير باشى) — главный пробирщик. Позднее главный пробирщик постепенно отодвигает главного монетария на второй план и занимает на монетном дворе первенствующее положение. Причиной этого, по нашему мнению, могли служить изменения, происходившие в экономике сефевидского государства вследствие общего хозяйственного упадка, наступившего в конце XVII в.

Выше было сказано о том, что в этот период шахские власти старались пополнить опустевшую государственную казну и в поисках дополнительных источников

все больше прибегали к порче монет. В этом деле важную роль должны были сыграть государственные пробирщики, ибо понижение веса или качества монет, требующее осторожности и умения, было чревато опасными последствиями: он могло вызвать у населения недоверие к существующей монетной системе и даже опрокинуть базар. Поэтому государственные пробирщики, ведавшие на монетных дворах вопросами установления пробы драгоценных металлов и веса монет, постепенно стали пользоваться у властей все большим доверием и почетом. Таким образом, в начале XVIII в. высший контроль на монетных дворах осуществлялся уже государственными пробирщиками — муаййер-ал-мемаликами (معير الممالک), которых автор «Тазкират-ал-мулук» возвеличивает титулом мукарраб-ул-хакан (مقرب الخاقان) т.е. близкие хакану (шаху).

Муаййер-ал-мемалики находились в тесном контакте с диваном, имели доступ на все, даже специальные, совещания шахов. Когда необходимо было дать монетному двору какое-либо задание, приглашали государственных приборщиков и если последние просили шаха о чем-нибудь, то, как пишет автор «Тазкират-ал-мулук», им «ни в чем не отказывали».

Право назначения, увольнения, наказания и проверки выполнения работы всех служащих и рабочих монетного двора, в том числе монетчиков (سکه کنان), гравировщиков (حکاگان), менял (صرافان), весовщиков (زر کشان), даже главных мастеров и учетчиков-инспекторов (مشرفان), принадлежало исключительно главе пробирщиков, и никто из указанных лиц без ведома муаййер-баши или же его представителя не имел права производить какие-либо операции с драгоценными металлами. Аналогичные права принадлежали и заргер-баши (زرگر باشی) — главе золотых дел мастеров (ювелирных мастерских), из числа которых благодаря знанию свойств драгоценных металлов иногда выбирались и назначались государственные пробирщики.

Практическое руководство работой монетного двора, т. е. руководство и контроль над процессом чеканки монет по-прежнему входило в обязанности зарраб-баши, который, таким образом, в указанное время управлял производством монетного двора, но не самим монетным двором. Зарраб-баши располагал полномочиями принять соответствующие меры при обнаружении им дефектов, брака и т. п. При наказании виновных он действовал сообща с сахиб-насагом (صاحب نسق) — администратором монетного двора, выполнявшим полицейские функции.

Не менее важное место на монетном дворе сефевидов занимали мушриф — инспектор по финансам и учету (он имел своего помощника писца-счетовода) и секретарь (агент) муаййер-баши, который занимался исключительно проверкой доходов шахской казны, причитающихся ей от монетного двора как пошлина за право чеканки монет. Общее число лиц (служащих, мастеров и рабочих), занятых на монетном дворе, в зависимости от места и времени было различным. В период интенсивной работы на исфаханском монетном дворе это число достигало 400. Оплата рабочих была сдельной.

Во втором разделе главы излагаются материалы о процессе чеканки монет. Согласно автору «Тазкират-ал-мулук», на сефевидском (исфаханском) монетном дворе работало девять мастерских-дастгахов (دستگاه), через которые проходили драгоценные металлы, прежде чем получить форму монеты. Этими дастгхами были: литейный (سباکھ), проковочный (изготавливающий слитки) (آهنگری), нагревательный (قرض کوبی), кузнечный (قطاعی), сколачивающий мелкие обломки (کھله کوئی), лудильный (تخش کنی) и дастгах чеканки (سکه کنی). Чеканка производилась вручную, исключительно посредством битья.

В третьем разделе главы речь идет о некоторых способах установления пробы драгоценных монетных металлов, входящего в функцию муаййер-ал-мемалика. Чистое серебро называлось «шахдар» (شاخدار) т. е. рогатое (по наростам на поверхности металла после его переплавки). При определении пробы золотых монет образцом считался старый венецианский золотой дукат, имевший, по обыкновению, высокую пробу. Подобное своеобразное сравнение если и не говорит об отсутствии других способов обозначения пробы золота, то может свидетельствовать о роли, какую играло иностранное золото в монетном деле сефевидского государства. Не располагая местной добычей золота, при необходимости сефевиды пользовались иностранным.

В четвертом разделе главы рассматривается вопрос о «ваджиби» (واجبی), одном из самых важных, но совсем неизученных вопросов сефевидской нумизматики. Ваджиби называлась та часть отчеканенных монет, которая поступала в шахскую казну с монетных дворов, как пошлина за право чеканки монет, т. е. за право эксплуатации серебряной регалии, которая принадлежала верховной власти (шаху). Определение размеров ваджиби и контроль за его взиманием принадлежали муаййер-ал-мемалику. Сбором (вернее, приемом) и хранением ваджиби на монетном дворе занимался зарраббаши, который, видимо, и сдавал его в шахское казнохранилище.

При первых сефевидях ваджиби с монетного двора взимался в размере: с одного мискаля золота — 30 динаров, серебра — 2 динара. Эта норма позднее была увеличена соответственно до 50 и 5 динаров. В начале XVIII в. последовало еще одно повышение ставки ваджиби: после отмеченного понижения в 1721 г. веса аббаси и прибавления полученной разницы к ваджиби, по указу Султана Хусейна I, размеры ваджиби за один мискаль были установлены: с золота — 50 динаров, с серебра — около 33 динаров, что составляло 16,05% номинальной стоимости аббаси. Это необычайное и экстренное мероприятие, несомненно, было результатом то-

го тяжелого кризиса, который переживало сефевидское государство вследствие афганского восстания.

Конец главы (разделы VI и VII) посвящен аренде монетных дворов и источникам драгоценных металлов, шедших на чекан.

Судя по письменным источникам, начиная с XVII в., в сефевидском государстве все шире применялась отдача монетных дворов на откуп частным лицам. Откупная система прежде всего охватывала многочисленные провинциальные дворы, которые находились во владении либо местного правителя, либо мостаджера (مستعجر) — арендатора. Первый обычно сам не управлял монетным двором и, в свою очередь, отдавал его в аренду. За аренду монетного двора арендатор вносил единовременно определенную сумму годовой арендной платы.

В зависимости от потенциальных возможностей чеканки монет и ряда других факторов для отдельных монетных дворов арендная плата была разной. Имеются указания об аренде монетных дворов за 700 и 1500 туманов. Арендная система монетных дворов если и давала, с одной стороны, определенную выгоду властям (единовременная плата), с другой стороны, она служила арендаторам средством извлечения из чеканки монет больших барышей. Арендаторы совершали крупные торговые обороты и сделки, в которых нередко участвовали и сами представители власти. Они обычно действовали вместе с менялами, занимавшимися приобретением иностранных и других, не находящихся в обращении, серебряных монет для перечеканки их на монетных дворах. Это обстоятельство свидетельствует о свободном характере чекана в сефевидском государстве, когда каждый желающий за определенную плату мог чеканить из своего серебра или золота монеты. В то же время оно дает нам возможность говорить о том, что недостаточность собственного серебра (имеется в виду незначительность местных серебряных рудников) в сефевидском государстве не позволяла удовлетворять потребности денежного обращения страны. Это видно на примере работы многих сефевидских монетных дворов, где чеканка монет производилась с перебоями и без

полной нагрузки. Таким образом, ясно, что одним из основных источников для чеканки монет в сефевидском государстве служило иностранное серебро.

Основное содержание данной работы опубликовано в следующих научных изданиях:

1. К вопросу об организации монетного дела в сефевидском государстве. Материалы по истории Азербайджана. «Труды Музея истории Азербайджана», т. III. Баку, 1960.

2. Из истории монетного дела в сефевидском государстве. Материалы по истории Азербайджана. «Труды Музея истории Азербайджана», т. IV. Баку, 1961.

3. Из истории монетного дела в сефевидском государстве при Исмаиле II (1576—1577 гг.). Материалы по истории Азербайджана. «Труды Музея истории Азербайджана», т. V. Баку, 1962.

4. Атеркский клад. «ДАН Азерб. ССР», 1961, № 6.

Подписано к печати 26/IV 1963 г. Уч.-изд. лист. 1.16 ФГ 04984.
Заказ 478. Тираж 200. Бесплатно.

Типография Академии наук Азербайджанской ССР,
Баку, Рабочий проспект, 96.